

A movie poster for the film "Leap into Infinity" (Прыжок в бесконечность). The background is a dark, atmospheric scene of a city street at night, with buildings and streetlights visible in the distance. In the foreground, a man in a dark, hooded cloak with glowing yellow eyes stands on the left. He is holding a small, glowing object in his right hand. A young woman with long dark hair, wearing a dark, tattered dress, stands on the right, looking at the man. She is holding a small, round object in her hands. The overall mood is mysterious and dramatic.

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

ПРЫЖОК В
БЕСКОНЕЧНОСТЬ

Сергей Патрушев

Прыжок в бесконечность

«Автор»

2026

Патрушев С.

Прыжок в бесконечность / С. Патрушев — «Автор», 2026

Маг, способный шагнуть сквозь пространство, тратит силы на рутину, пока не встречает девушку, чей род стёрт с лица земли. Связанные общей пустотой, они спускают миллионы на безумства, чтобы купить лишь право дышать. Но золото не лечит шрамы. Построив графство из магии и пепла, они бросают вызов Империи. Теперь за ними охотятся убийцы и короны. Смогут ли два сломленных человека удержать власть, или их идеальный замок рухнет под тяжестью собственных тайн?

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Одинокий прыжок	5
Глава 2. Пепел рода Беллы	14
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Сергей Патрушев

Прыжок в бесконечность

Глава 1. Одинокий прыжок

Пространство не рвалось. Оно не трещало по швам, не исторгало из себя запах серы, как любили описывать это в дешевых бульварных романах для впечатлительных барышень. Для Джона, Мастера Пути седьмого ранга, телепортация ощущалась как резкий, но давно привычный спазм диафрагмы, за которым следовало мгновенное изменение давления на барабанные перепонки. Мир просто моргнул.

Старый складской док на окраине торгового квартала столицы исчез. Исчез запах гниющей рыбы, смолы и нечистот, исчезла липкая вечерняя морось, оседающая на воротнике его тяжелого шерстяного плаща. Вместо этого появился сухой, кондиционированный воздух, пахнущий сандалом, дорогим табаком и старым пергаментом. Появился мягкий ковер из шерсти горных яков под ногами. Появился свет сотен магических ламп, заключенных в хрусталь, заливающий золотом кабинет торгового дома «Ван дер Берг и сыновья».

Джон не стал тратить время на любование интерьером. Сделал ровно два шага вперед, достал из внутреннего кармана плаща свинцовую печать с оттиском двойной спирали и приложил ее к деревянной столешнице. Дерево тихо застонало, принимая магический слепок. — Груз на месте, — ровным голосом произнес Джон, обращаясь к полумраку за массивным столом красного дерева. — Пятьдесят килограммов первосортной эльфийской бумаги без единой помятой кромки. Как и договаривались.

Из полумрака выдвинулась сухая, унизанная перстнями рука. Она нащупала печать, проверила оттиск и скрылась обратно. Спустя секунду на стол упал тяжелый кожаный кошель. Звук был правильным — глухим, плотным, без лишнего серебряного звона, который выдают медные кругляши.

Джон не пересчитывая сунул кошель в карман. Не знал, сколько там — пятьдесят золотых или семьдесят. Ему было плевать. За последние пять лет его тариф на короткие дистанции — до десяти километров в пределах городской черты — стал стандартом для тех, кто ценил время больше денег. Аристократы, которым нужно было срочно доставить любовнице букет редких орхидей из королевской оранжереи. Купцы, чьи приказчики ошиблись в расчетах и не успевали передать вексель в банк до закрытия ставен. Контрабандисты, которым требовалось перебросить «случайно забытый» на другой квартире товар, пока его не нашли королевские ищееки.

Все они платили.

Джон был лучшим. Не самым сильным — в Ковене сидели безумцы, способные зашвырнуть человека на другой континент, пусть и по частям. Джон был самым точным. Мог телепортироваться в движущуюся карету, не задев ось. Мог открыть Путь внутри запертого сейфа, забрать содержимое и закрыть его так, что магические печати даже не нагреются. Его дар был хирургически точным скальпелем, и использовал его исключительно для вскрытия чужих кошельков.

Был идеальным инструментом для заработка. И совершенно никудышным человеком.

Покинув кабинет Ван дер Берга через обычную дубовую дверь, чтобы не нервировать охрану на воротах, Джон вышел на проспект Золотого Дерева. Столичная осень вступала в свои права. Гранитная мостовая блестела от недавнего дождя, отражая высокие газовые фонари и вывески дорогих лавок. Здесь, в Верхнем городе, не было вони портовых трущоб. Здесь пахло

деньгами, корицей и легким, едва уловимым ароматом магической пыли, которая витала в воздухе над Академией.

Джон поправил капюшон. Ненавидел Верхний город. Слишком много света, слишком много лиц, слишком много бессмысленной суеты. Его собственная жизнь была выстроена с геометрической точностью казарменной койки.

Утро. Пробуждение в съемной, лишенной любых излишеств комнате в доходном доме на границе ремесленного квартала. Никакой магии в быту — даже чайник грел на обычной угольной горелке, потому что тратить ману на нагрев воды считал верхом идиотизма. Завтрак. Овсяная каша, два яйца, кусок жесткой ветчины. Работа. Три, иногда четыре прыжка. Склад — кабинет. Крыша — балкон. Подземный ход — винный погреб. Обед. В одной и той же портовой таверне «Пьяная селедка», где хозяин знал, что Магистру Пути нужно подать тушеную капусту с мясом, большую кружку темного эля и не задавать вопросов. Вечер. Сортировка выручки.

Это была самая интимная часть его дня. Вернувшись в свою комнату, Джон доставал из кармана плоскую костяную шкатулку. Проводил над ней большим пальцем, снимая простенький магический замок, и открывал крышку. Внутри, в пространстве размером с хороший амбар, в идеальном порядке лежали его сокровища. Не просто золото.

Здесь были имперские ауреи, сложенные в ровные столбики по номиналу. Тяжелые серебряные кроны северных княжеств, переложенные промасленной бумагой. Платиновые бруски из гномьих банков, завернутые в черный бархат. Самоцветы — рубины, изумруды, черные диаманты — каждый в отдельном бархатном гнезде.

Джон не тратил эти деньги. Почти никогда. За пять лет купил себе только этот плащ из зачарованной ткани, не пропускающей воду, и набор качественных сапог. Все остальное — плата за риск, за унижение перед сытыми рожками, за постоянный износ собственной нервной системы — просто складировалось.

Зачем? Он не знал. Иногда, сидя перед открытой шкатулкой в тусклом свете ночника, думал, что это его могила. Что однажды просто шагнёт в это карманное измерение, закроет крышку изнутри и останется там навсегда, погребенный под весом собственного золота, в абсолютной, идеальной тишине. Эта мысль не пугала его. Она казалась логичным завершением карьеры.

Сегодня нарушил график.

После последнего заказа — доставки редкого алхимического реактива для одного нервного маркиза — до обязательного визита в «Пьяную селедку» оставалось еще около часа. И вместо того, чтобы сесть на извозчика и отправиться в привычный сумрак нижнего города, Джон пошел пешком. Вверх. К Королевским садам.

Сам не понимал, что за импульс дернул его за плечо. Возможно, это была скука. Та самая серая, разъедающая ржавчина, которая начала покрывать его душу изнутри. Десять лет. Десять лет делал одно и то же. Измерял свою жизнь весом кошельков и пройденными километрами пустоты.

Сады были закрыты для черни, но для человека, способного появиться из воздуха внутри закрытого хранилища, чугунная ограда высотой в три человеческих роста не была препятствием. Джон выбрал глухой угол, где тени от старых дубов были особенно густыми.

Мир моргнул.

Трава под ногами была идеально подстрижена. Воздух здесь был прохладным и чистым. Джон прошел по гравийной дорожке мимо фонтанов, которые на ночь выключали, и мраморных статуй забытых героев. Шёл медленно, впервые за много лет не высчитывая оптимальный маршрут.

Вышел на открытую террасу, нависающую над обрывом, с которого открывался вид на нижний город. Миллионы огней. Порт сиял тусклым желтым, центр — белым и голубым светом магических башен, окраины тонули во тьме. Город дышал, жил своей порочной, грязной,

прекрасной жизнью, и Джон впервые за десятилетие почувствовал себя не частью этого механизма, а сторонним наблюдателем.

Сел на каменную скамью. Достал из кармана кисет. Его руки, способные плести сложнейшие пространственные узлы, привычно свернули самокрутку из крепкого солдатского табака. Не курил магические травы, как большинство его коллег по цеху — от них путались векторы и двоилось в глазах. Только табак.

Первая затяжка обожгла лёгкие. — Не помешаю, Мастер? — раздался голос за его спиной.

Джон не вздрогнул. Тот, кто смог подойти к нему со спины незамеченным, либо был мастером скрытности, либо просто не имел агрессивных намерений. Джон чувствовал чужую магию как давление на кожу. От незнакомца не веяло угрозой. От него веяло... пустотой.

Джон медленно обернулся.

На дорожке стоял человек в сером дорожном костюме. Никаких знаков отличия, никаких амулетов. Лицо обычное, незапоминающееся — такое встретишь в толпе и через секунду забудешь. Только глаза были странными. Радужка в них меняла цвет от стального до почти прозрачного, и в глубине этих глаз не было дна. — Помешаете, — ответил Джон. — Я отдыхаю. — Я тоже, — улыбнулся незнакомец и сел на другой конец скамьи, не спрашивая разрешения. — Меня зовут Элей. А вы, если верить реестру Ковена — Джон. Просто Джон. Без фамилии, без приставки «Магистр», хотя ваш ранг позволяет. Скромность или конспирация? — Экономия чернил, — Джон выпустил струю дыма. — Что вам нужно? Если вы из тайной канцелярии, то мой ежедневный отчет сдан утром. Если вы грабитель, то вы выбрали самую бедную скамью в саду. На мне нет ни одного золотого, все в надежном месте.

Элей тихо рассмеялся. Смех у него был приятный, но какой-то механический, словно сработал хорошо смазанный механизм. — Я не из канцелярии. И я не грабитель. Я, пожалуй, аудитор. Аудитор человеческого потенциала. Смотрю на людей и думаю: на что они тратят свою единственную, неповторимую искру? Вот, например, вы. Мастер Пути. Вы можете за один шаг пересечь этот город. Вы можете оказаться в библиотеке забытого короля или в сокровищнице дракона. Вы можете шагнуть на вершину самой высокой горы, чтобы встретить рассвет. А что делаете вы? — Переношу коробки с бумагой, — пожал плечами Джон. — Это оплачивает аренду. И табак. — Это оплачивает вашу смерть, Джон. Медленную, скучную смерть в окружении желтого металла.

Джон напрягся. Слова незнакомца попали слишком точно в ту самую мысль о крышке сундука, которую гнал от себя последние годы. — Это называется «пенсия», — огрызнулся он. — Я работаю на износ. Пространство не любит, когда его рвут. Каждое открытие Пути — это микроскопический надрез на самой ткани реальности. И на моей душе. Десять лет, и мои дети, если они у меня когда-нибудь будут, будут носить меня на руках, потому что мои ноги откажут. Я берегу себя. — Вы не бережете, — мягко возразил Элей. — Вы хороните. Вы строите себе золотой гроб и называете это «бережливостью». Скажите, когда вы в последний раз телепортировались просто так? Не за деньги. Не по делу. Просто чтобы увидеть, что там, за поворотом? — В детстве, — нехотя буркнул Джон. — Когда еще не знал, что мана стоит денег. — Вот именно. Вы продали свое детство, свою любознательность, свою свободу за стабильность. Вы превратили чудо в ремесло. А ремесло, лишённое любви, превращается в гниль.

Джон затушил самокрутку о каблук дорогого сапога. Ему захотелось ударить этого серого человека. Или открыть Путь прямо под его ногами и сбросить в Нижний город, в сточную канаву. Но не сделал ни того, ни другого. Слова Элея не злили его. Они были похожи на холодный скальпель, которым кто-то вскрыл нарыв, о существовании которого Джон предпочитал не знать. — Чего вы хотите? — повторил он. — Проповедь окончена. У меня есть еще двадцать минут до капустного супа. — Я хочу предложить вам работу, — сказал Элей. — Бесконечно прибыльную. И абсолютно бессмысленную с точки зрения вашего капитала. — У меня доста-

точно бессмысленных заказов, — усмехнулся Джон. — Например, доставка любовных писем. — О, нет. Это будет гораздо масштабнее. Я хочу, чтобы вы украли для меня луну.

Джон замер. Ждал чего угодно: предложения убить короля, выкрасть государственные тайны, доставить партию запрещенного оружия. Но луну? — Какого цвета будет ваш гроб, Джон, когда вы наполните его до краев? — продолжил Элей, глядя не на собеседника, а на огни города. — Золото тяжелое. Оно давит. Оно требует охраны, сейфов, тишины. А луна... луна ничего не весит. Ее нельзя положить в карман. Ее можно только увидеть. Я предлагаю вам сделку. Вы перестаете считать деньги. Прямо сейчас. Вы сжигаете свои книги учета. Вы тратите все, что накопили, за один месяц. На безумства. На путешествия. На женщин. На вино. На помощь тем, кому нечем вам отплатить. А через месяц, когда ваше золото кончится, а ваша душа впервые за десять лет вздохнет полной грудью, вы придете вон к тому старому вязу у западной стены. И я дам вам первый аванс за луну. — Вы сумасшедший, — констатировал Джон. — Возможно, — легко согласился Элей. — Но вы ведь все равно придете. Потому что я сейчас встану и уйду. А вы останетесь сидеть. И следующие двадцать лет будете носить коробки. А потом сядете в свой сундук. Разница лишь в том, что сейчас у вас есть выбор — сделать это завтра или через месяц, предварительно вспомнив, каково это — жить.

Элей поднялся. Его серая одежда совершенно не помялась, хотя сидел на камне. — Кстати, — обернулся он, уже растворяясь в тени деревьев, — капуста в «Пьяной селедке» сегодня пережарена. Попробуйте таверну «Под свиным ухом» в Кривом переулке. Там подают оленину с брусникой. Она стоит в три раза дороже вашей капусты. Потратьте лишнее серебро. Это отличное начало бунта.

Джон остался один.

Сидел на скамье ещё полчаса, пока огни порта не начали гаснуть, уступая место пред-
рассветной синеве. Докурил весь кисет. Не думал о луне а скорее о «Свином ухе». О том, что действительно ни разу за десять лет не ел оленину. Он думал о карманном измерении в костяной шкатулке, которое сейчас ждало его в съёмной комнате.

Золотой гроб. Точное определение.

Когда первые лучи солнца коснулись верхушек шпилей Академии, Джон поднялся. Ноги затекли от неподвижности. Привычно нащупал в кармане печать, готовясь вернуться в свою комнату, чтобы лечь спать. Рабочий день закончился, не успев толком начаться.

Но вместо того, чтобы сжать печать, разжал пальцы. Посмотрел на свои руки. Мозолистые, сильные, привыкшие держать вес чужих грузов. Закрыв глаза.

Обычно открытие Пути требовало концентрации. Нужно было чётко представить точку выхода, просчитать векторы, учесть вращение планеты, плотность воздуха, магический фон. Сейчас не хотел ничего считать.

Просто пожелал оказаться в новом месте. Переход был неаккуратным. Его выкинуло из пространства с тошнотворной силой, приложив плечом о косяк незнакомой двери. Воздух здесь пах кислым пивом, жареным луком и мокрой псиной.

Джон открыл глаза.

Стоял посреди общего зала таверны «Под свиным ухом». Было раннее утро, заведение было закрыто, но на кухне уже горел огонь, и полная подавальщица в несвежем фартуке как раз собиралась разделять тушу. Обернулась на звук удара, увидела дорогую одежду незнакомца, материализовавшегося из воздуха, и открыла рот, чтобы закричать.

Опередил её. Достал из кармана тот самый тяжелый кошель, полученный от Ван дер Берга, и швырнул его на стойку. — Завтрак, — хрипло сказал он. — Самый лучший. Оленина. Брусника. Три кувшина лучшего вина. И откройте ставни. Я хочу видеть солнце.

Подавальщица сглотнула, схватила кошель и, не пересчитывая, мелко закивала.

Тяжело опустился за ближайший стол. Спина ныла от жесткого приземления. Сердце колотилось где-то в горле. Только что совершил первую в своей жизни абсолютно нерентабель-

ную телепортацию. Потратил ману, рискнул быть замеченным городской стражей и влетел в чужую таверну, не имея никакой выгоды.

Чувствовал себя так, словно только что прыгнул со скалы в ледяную воду. Было страшно, больно, но впервые за долгие годы почувствовал, что его кровь бежит по жилам по-настоящему горячо. Подавальщица принесла вино. Налил себе полную оловянную кружку и залпом выпил. Вино было терпким, дешёвым, но сейчас оно показалось ему вкуснее любого эльфийского нектара.

Золотой гроб остался в съёмной комнате. А Джон сидел в грязной таверне, пил кислое вино и смотрел, как солнце встаёт над крышами столицы, которые так долго видел только в виде точек на карте для прыжка.

Месяц. Всего месяц, сказал Элей.

Джон криво усмехнулся, наливая себе вторую кружку. Кажется, этот месяц обещал быть самым дорогим в его жизни. И впервые за десять лет слово «дорого» не вызывало у него желания схватиться за печать.

К исходу третьей недели Джон понял, что Элей был не просто прав а был катастрофически, убийственно точен.

Золотой гроб не просто опустел — он взорвался изнутри, осыпав Джона осколками его собственной прошлой жизни. Костяная шкатулка с карманным измерением всё ещё лежала под половицей в его новой, снятой в дорогом районе квартире, но Джон старался на неё не смотреть. Каждый раз, когда его взгляд падал на костяной бок, чувствовал фантомную боль в отсечённой конечности.

Перестал быть Мастером Пути. Стал просто Джоном. Очень богатым, быстро сходящим с ума Джоном.

Его день теперь начинался не с овсянки, а с того, что открывал окно своей спальни на третьем этаже особняка, который снял целиком, просто потому что ему понравился вид на закатную башню. Не торговался с домовладельцем. Просто положил на стол пятьдесят золотых империалов. Хозяин дома, старый отставной полковник, посмотрев на золото, перекрестился и уехал к сестре в деревню, оставив ключи и приказав слугам исполнять любую прихоть постояльца.

Слуги были в ужасе. — Господин желает ванну? — спрашивал дворецкий, бледнея. — Нет, — отвечал Джон, уже расстёгивая камзол. — Господин желает оказаться в горячих источниках Долины Семи Ветров. Прямо сейчас.

Мир моргал.

Джон появлялся прямо в воде, пугая до икоты степенных землевладельцев, приехавших лечиться на воды из соседних провинций. Не заботился о приличиях. Скидывал одежду на глазах у визжащих дам, падал в целебную грязь и требовал у обомлевшей прислуги курорта лучший коньяк.

Платил за всё. За панику, за возмущение, за выломанные двери, за магические щиты, которые ставила местная охрана, пытаясь его задержать. Он открывал Путь прямо из тюремной камеры, куда его пару раз сажали за нарушение общественного порядка, оставляя в пустой камере горсть платины «за беспокойство» начальника караула.

Он покупал не вещи, а невозможность.

На пятый день своего безумия купил корабль. Не грузовое корыто, нет. Бригантину «Ласточка», стремительную, с зачарованными парусами, которую капитан берёт для контрабандных рейсов. Джон пришёл в порт, осмотрел судно, кивнул и отсчитал двести золотых прямо на крышку люка. — Куда курс держим? — хрипло спросил капитан, не веря своему счастью и одновременно прощаясь с жизнью, так как такие деньги просто так не платят. — Никуда, — ответил Джон. — Мы просто будем плавать. Сегодня туда, завтра обратно. Если

мне надоест море, мы окажемся в пустыне. Запаситесь верблюдами. И хорошим поваром. Мой желудок устал от капусты.

Команда «Ласточки» решила, что нанялась на службу к сбежавшему из лечебницы аристократу. Но когда Джон во время шторма в Северном море, просто чтобы не спускать паруса, открыл в небе над бригантиной стационарный пространственный коридор, удерживающий порывы ветра, они перестали задавать вопросы. Они просто начали молиться своим забытым богам и радоваться тройному жалованию.

Джон срывал стоп-краны собственной судьбы.

Спустил десять тысяч золотом за одну ночь в «Алой лилии» — закрытом клубе, где аристократия предавалась порокам, недоступным простым смертным. Не прикасался к женщинам, которые сами вешались ему на шею. Сидел за центральным столом, пил столетний виски и смотрел, как графини и герцогини, жены тех самых людей, чьи коробки когда-то носил, проигрывают в карты свои фамильные драгоценности.

— Вы выглядите скучающим, — проворковала баронесса, присаживаясь к нему на подлокотник. На ней было платье, стоившее как годовой бюджет небольшой деревни. — Я считаю, — честно ответил Джон. — Считаю, сколько прыжков я мог бы совершить на деньги, которые этот напудренный индюк только что проиграл в фаро. Примерно четыреста. До северного полюса и обратно. Баронесса решила, что это изысканный флирт, и рассмеялась. Джон не стал её разубеждать. Просто молча встал, открыл Путь прямо за её спиной, втолкнул туда визжащую даму в платье и закрыл проход. Визг оборвался на полуслове. Джон представил лицо баронессы, когда она материализуется посреди свинарника на окраине, и впервые за вечер искренне улыбнулся. Это обошлось ему в стоимость платья, но оно того стоило.

Он покупал искусство. Пришёл в Королевскую галерею в середине дня, когда там было полно публики. Минув охрану, прошёл прямо к центральному полотну — «Закату Империи», кисти безумного гения Ларса фон Грога, которое не продавалось ни за какие деньги. — Снимайте, — бросил он куратору. — Это национальное достояние, — пролепетал куратор, хватаясь за сердце. — Я дам за него пять тысяч, — сказал Джон. — Наличными. Прямо сейчас. Или я заберу его так, что ваша хваленая магическая рама рассыплется в пыль, и половина дворца останется без окон.

Пока куратор бегал за директором, Джон стоял перед картиной. Смотрел на мазки. Видел, как мастер смешивал краски. И впервые за долгие годы его внутренний взор, привыкший видеть мир как сплетение силовых линий и координат, увидел красоту, отчаяние художника, вложенное в каждый удар кисти.

Оставил золото, картину висеть на месте. Но уходя, срезал ножом маленький кусочек холста с угла, там, где была подпись. Просто чтобы унести с собой частичку этого безумия. Кусок холста сжёг в пепельницу в своем экипаже, глядя, как горят краски. Ему не нужны были вещи. Ему нужен был сам акт разрушения и созидания.

Его нервная система начала давать сбои.

Мана — это не бесконечный ресурс. Это отражение внутренней энергии мага. Джон, десятилетиями экономивший каждый эрст силы, теперь жег её, как одержимый. Открывал Пути по двадцать раз на дню. Из кровати в столовую. Из столовой на балкон. С балкона — на вершину далекой горы, чтобы сорвать там один-единственный редкий цветок и бросить его в пропасть, потому что цветок не помещался в его новую философию обладания.

Перестал спать. Зачем спать, если можно открыть Путь в библиотеку забытого города, погребённого под песками, взять с полки книгу, о которой не знает ни один учёный, прочитать её за час, сидя на крыше собственного дома, и сжечь, чтобы согреть руки?

Его тело истощалось. Он похудел, осунулся. Под глазами залегли чёрные тени. Но в этих тенях больше не было серой скуки. Там горел лихорадочный, почти безумный огонь. Он жил

на износ, как и предсказывал Элей, но теперь это был не износ офисного механизма, а горение метеора в атмосфере.

За три дня до конца назначенного месяца Джон сидел на капитанском мостике «Ласточки», которая в этот момент стояла на якоре посреди Мертвого озера в стране вечных льдов. Небо пылало зеленым огнем северного сияния.

К нему подошел старпом, седой моряк, повидавший на своем веку кракенов и русалок. — Хозяин, — осторожно начал он. — Команда... мы боимся. Вы бледны, как смерть. Вы не ели два дня. Вы разговариваете сами с собой. И от вас пахнет озоном даже тогда, когда вы просто сидите. Вы убьете себя, если продолжите так жечь силу. — Я не убиваю, — тихо ответил Джон, не отрывая взгляда от зеленых сполохов. — Я ее трачу. Это самое прекрасное чувство в мире, старпом. Чувство пустоты. Когда ты отдаешь всего себя без остатка. В этом нет выгоды. В этом нет смысла. В этом есть только чистое действие. — Но зачем? — не унимался моряк. — У вас было золото. Безопасность. Вас уважали. — Меня не было, — Джон повернул голову. Его глаза, обычно тусклые, сейчас светились в полумраке капитанской рубки двумя тусклыми фонарями. — Была функция. Нож для резки пространства. А теперь... теперь я не знаю, кто я. Но мне не страшно. Мне впервые не страшно, понимаешь?

Старпом не понимал. Он перекрестился и ушел на палубу, бормоча молитвы.

Джон остался один. Он достал из кармана куртки плоскую фляжку. Внутри был не алкоголь. Там, в сжатом пространстве, хранился пепел от той самой картины, кусочек шелковой ленты, которой была перевязана книга из мертвой библиотеки, и зуб василиска, который он выиграл в кости у одного барона, просто ради того, чтобы посмотреть, как у того вытянется лицо.

Это были не трофеи. Это были доказательства. Доказательства того, что последние тридцать дней он существовал.

Он отхлебнул из фляги чистого спирта, чтобы хоть немного унять дрожь в руках. Его магический резерв был пуст. Пуст настолько, что попытка зажечь свечу пространственным импульсом вызвала бы внутричерепное кровоотечение. Он выжат досуха.

И это было лучшее состояние за последние десять лет. Завтра. Завтра он должен прийти к старому вязу.

Джон не знал, что будет дальше. Украсть луну — это метафора? Или Элей действительно хочет, чтобы он нашел способ дематериализовать небесное тело? Какая разница. У него больше нет золота, чтобы отступить. У него больше нет сил, чтобы отказаться. Он спустил все свои якоря.

Он посмотрел на свои руки. Вены на них почернели от перегрузки маной. Суставы ныли. Он чувствовал себя столетним стариком в теле тридцатилетнего мужчины.

— Хорошая была жизнь, — сказал он зеленому небу. — Жаль, что началась так поздно.

Он просидел на мостике до самого рассвета, пока ледяной ветер не начал покрывать его брови инеем. Когда первые лучи солнца коснулись горизонта, окрашивая льды в цвет крови, Джон закрыл глаза.

Он не стал открывать Путь. Он слишком устал. Он спустился по трапу в шлюпку, которую матросы спустили для него молча, стараясь не смотреть на его изможденное лицо.

Он вернулся в город пешком, наняв обычную телегу с сеном. Он лежал на колкой сухой траве, вдыхая запах пыли и смотрел на проплывающие мимо крыши. Телега тряслась, скрипела, ехала невыносимо медленно. Это было мучительно. Это было восхитительно. Это было по-настоящему.

К вечеру он добрался до западной стены города. Старый вяз стоял на том же месте. Его голые черные ветви царапали серое, готовое к дождю небо.

Джон пришел раньше времени. Он сел на корень дерева, прислонившись спиной к шершавой коре. Его мучило от усталости. Голова раскалывалась. Он закрыл глаза и провалился в

тяжелое, тревожное забытие, где не было ни золота, ни пространственных координат. Только бесконечная, вязкая тьма.

Его разбудил щелчок пальцев.

Элей стоял перед ним. Он выглядел точно так же, как три недели назад. Та же серая одежда, то же незапоминающееся лицо, те же глаза без дна. Казалось, он не постарел ни на секунду, в то время как Джон за этот месяц постарел на десять лет.

— Ты пришел, — сказал Элей. — У меня не осталось денег на извозчика, — хрипло ответил Джон. — И сил, чтобы прыгнуть. Пришлось идти пешком. Надеюсь, твоя луна находится в пешей доступности.

Элей тихо рассмеялся. Он присел на корточки перед Джоном, всматриваясь в его лицо. — Ты выглядишь ужасно, — констатировал он. — Прекрасно, но ужасно. Твоя аура выжжена. Если бы ты был обычным магом, ты бы уже неделю лежал в палате исцеления. Но ты Мастер Пути. Твоя сила всегда росла из пустоты. Ты просто вернулся к истокам. — Я все потратил, — сказал Джон. — Все, до последней монеты. Корабль, картины, вино, шлюх, зубы василисков... Я даже заплатил прачке в порту, чтобы она просто улыбнулась мне. Я не знаю, зачем я это сделал. — Ты делал это, чтобы почувствовать вес, — Элей выпрямился. — Вес жизни. Золото в твоём сундуке не имело веса, потому что оно было мертвым. А каждая проигранная монета, каждый сорванный цветок, каждая напуганная баронесса имели вес. Ты нагрузил свою душу. Теперь она достаточно тяжела, чтобы не улететь. — К чему все это? — спросил Джон, с трудом поднимаясь на ноги. Земля покачивалась. — Тест на безумие? Ты искал самого глупого мага в столице? — Я искал самого запертого, — поправил Элей. — Того, кто построил самую крепкую тюрьму и выбросил ключи. Ты идеально подошел.

Элей протянул руку. На его ладони лежал маленький предмет. Это был компас. Медная крышка была покрыта патиной. Но стрелка внутри не была магнитной. Она была сделана из мутного, переливающегося стекла, и сейчас она бешено вращалась по кругу, не в силах выбрать направление. — Твой старый компас сломался, когда ты начал жить, — сказал Элей. — Ты больше не можешь найти путь по звездам или магнетизму. Тебе нужен новый указатель. — Что это? — спросил Джон, но его рука сама потянулась к предмету. — Это указатель на смысл, — Элей сжал его пальцы на медной крышке. — А теперь слушай внимательно. Луну нельзя украсть. Ее нельзя положить в карман. Это метафора, Джон. Ты понимаешь метафоры, я видел, как ты смотрел на картины. — Я не понимаю, — мотнул головой Джон. Голова кружилась. — Завтра в полдень, — голос Элея стал жестким, вкрадчивым, приобретая гипнотическую силу, — ты пойдешь в Королевский банк. Ты снимешь все, что у тебя осталось на счете. А осталось там ровно три тысячи двести сорок один золотой и шестнадцать серебряных крон. Ты сложишь их в мешок. И ты пойдешь на Площадь Восьми Королей. Там стоит Храм Забвения. Ты войдешь внутрь и раздашь все золото нищим, которые сидят на ступенях. До последней монеты. — Зачем? — выдохнул Джон. — Это просто деньги. Я уже научился их тратить. — Нет, — Элей покачал головой. — Ты научился их *менять* на удовольствия. Это все еще сделка. Ты платишь — тебе дают эмоцию. Это тот же самый торг, просто товар стал другим. Настоящая свобода — это отдать то, что тебе больше не принадлежит, и не попросить ничего взамен. Даже благодарности. Особенно благодарности.

Джон смотрел на компас. Стрелка внутри на мгновение замерла, указав прямо на сердце Элея, а затем снова заметалась. — Это убьет меня, — тихо сказал Джон. — Если я отдам последнее, у меня не будет денег даже на еду. Мне придется работать. Носить коробки. Вернуться в «Пьяную селедку». — Именно, — кивнул Элей. — Но ты вернешься туда другим. Ты вернешься туда не потому, что это выгодно. А потому, что это следующий шаг. Путь не заканчивается, когда кончаются деньги. Путь заканчивается, когда ты перестаешь идти. Украсть луну — значит сделать невозможное. А что может быть невозможнее для тебя, чем отдать последнее и не сойти с ума от страха?

Элей разжал его пальцы. Компас остался в руке Джона. Он был теплым, почти горячим. — Если ты сделаешь это, — сказал Элей, отступая в тень вяза, — я найду тебя через неделю. И мы поговорим о том, как на самом деле крадут луны. Если трусишь — компас станет обычным куском меди. А ты снова станешь функцией. Выбор за тобой. Но учти, Джон. Золото в банке — это еще не твое дно. Твое дно — это когда ты начнешь жалеть о потраченном. Пока ты не жалел. Не испорти финал.

Элей растворился в вечерних сумерках. Он не открыл Путь. Он просто сделал шаг в густую тень и перестал быть.

Джон остался один под вязом. Он разжал ладонь. Компас в его руке тихо гудел. Стрелка дернулась и, наконец, замерла. Она указывала не на север. На Королевский банк.

Джон посмотрел на медную крышку, затем на свои руки, покрытые шрамами от странственных ожогов. Он подумал о теплом сене, о вкусе дешевого вина, о крике напуганной баронессы, о тяжести пустого кошелька.

Он подумал о своем золотом гробе. О том, как уютно было бы в нем лежать, зная, что ты в безопасности. И впервые за всю свою жизнь мысль о безопасности показалась ему невыносимо, тошнотворно скучной.

Джон убрал компас в карман, запахнул остатки своего некогда дорогого плаща и пошел в сторону города. До закрытия банка оставалось сорок минут. Ему предстояло пройти пешком почти три мили. Это было самое долгое и самое честное путешествие в его жизни.

Глава 2. Пепел рода Беллы

Снег в столице никогда не был чистым. Даже в самые глухие предрассветные часы, когда пекарни еще не начали топить печи, а угольщики спали в своих повозках, падающие с неба хлопья оседали на мостовую уже серыми. Смешиваясь с конским навозом, пеплом из тысяч каминов и жирной уличной грязью, они превращались в кашу, жадно впитывавшую любую обувь.

На углу Торговой площади стояла Белла, и этот грязный, холодный снег был единственным, что она чувствовала. Тонкие подошвы балхских туфель, предназначенных для натертого воском паркета, давно промокли насквозь. Льда не ощущалось. Боль от холода давно уступила место другому, куда более глубокому и горячему ожогу, который тлел где-то под ребрами, выжигая изнутри.

Платье цвета слоновой кости, в котором вчера спустилась к ужину, оставалось на ней. Дорогой шелк, расшитый мелким речным жемчугом. Корсаж еще хранил форму, приданную рукой лучшей модистки столицы. На шее висела нитка розового кварца — подарок отца на семнадцатилетие.

Теперь наряд выглядел насмешкой. Маскарадным костюмом покойницы, забывшей переодеться в саван. Жемчуг потускнел от копоти. Шелк на подоле потемнел и затвердел, пропитавшись чем-то темным и липким, что Белла отказывалась называть своим именем.

Выбраться из подвала память не сохранила. Остались лишь обрывки, похожие на рваные края старого гобелена. Запах. Сначала — жареного мяса и вина, когда отец вел к столу, шутливо пеняя на чтение трактата по алхимии за обедом. Потом — паленой шерсти и озона. Потом — медный, густой, тошнотворный запах крови.

А затем — темнота.

Очнулась в винном погребе. Тяжелая крышка люка, обитая изнутри железом, была прикрыта, но не заперта. Сквозь щель тянуло сквозняком и вонью горелого дерева. Сверху доносились звуки, которые человеческий разум не должен уметь интерпретировать, но которые запоминает навсегда: влажный хруст, глухие удары, рвущийся шелк и короткие, задущенные всхлипы, тут же обрывавшиеся.

Семья. Род Беллы. Древний, уважаемый, владевший землями на три дня пути вокруг столицы.

«Впали в немилость», — шептались слуги на кухне, когда думали, что их не слышат. «Подписали не ту грамоту», — говорил вчера казначей, пряча глаза. «Казна пуста», — уверенно заявляли кредиторы, стуча тростями в парадные двери.

Теперь наивность этих объяснений стала очевидной. Немилость не приходит с отрядом наемников в черных масках, которые быют точно, жестоко и молча. Немилость не заканчивается тем, что мать находят в балхном зале с перерезанным горлом, а старшего брата — насаженным на парадную алебарду гвардейца, как жука на булавку.

Это была не казнь. Это была зачистка.

В погребе пришлось просидеть до самого утра. Молитвы остались там, наверху, вместе с перерезанным горлом отца. Оставалось только считать. Удары сердца. Капли воды, падающие со свода на каменный пол. Когда капли падали слишком часто, руки зажимали уши, чтобы не сойти с ума от этого ритма.

Рассвет просочился сквозь щели в досках пола багровыми полосами. Красное на сером. Кровь на камне.

Наружу Белла выбралась только тогда, когда голод стал сильнее страха.

Главный особняк догорал. Центральная башня обрушилась внутрь себя, похоронив под собой парадный герб рода — серебряную лилию на синем поле. От герба остался лишь оплавленный кусок металла, вросший в раскаленные угли.

Дом пах смертью. И гарью.

По комнатам пришлось идти, переступая через тела. Слуги. Гвардейцы. Мать. Отец. Все смотрели в потолок остекленевшими глазами, в которых навсегда застыл вопрос «за что?». Слезы — привилегия тех, кто может позволить себе слабость. Дичь, еще не добравшаяся до леса, плакать не умеет.

Еда искалась в кладовой, куда убийцы не спустились. Нашлись лишь мешок заплесневелой муки и головка твердого сыра. Сыр пришлось есть прямо с воском, не чувствуя вкуса, запивая ледяной водой из бочки. Тонкие руки с длинными музыкальными пальцами дрожали так сильно, что ладонь порезалась о крышку банки. Кровь выступила ярко-алой бусиной. Металлический вкус показался самым честным вкусом в жизни.

Только в собственной спальне, куда Белла поднялась по черной лестнице, вернулась способность думать.

Спальня уцелела. Убийцы не тратили время на разграбление верхних этажей — целью была семья. Кровать под балдахином стояла нетронутой. На туалетном столике все еще лежали гребни, баночки с кремом из лепестков роз и хрустальный флакон духов.

Перед зеркалом Белла села.

Из мутного, покрытого тонким слоем сажи стекла смотрела чужая женщина. Бледная до синевы. Волосы, уложенные в сложную прическу, растрепались, и в них застряли мелкие щепки. Глаза — огромные, фиалковые, фамильная черта рода Беллы — казались черными провалами. Ни ужаса, ни горя. Только выжженная дотла пустота.

Раздеваться Белла начала методично, как учила камеристка.

Расстегнуть жемчуг. Положить на столик. Скрепки на спине. Снять тяжелый шелк. Нижняя рубашка.

Нагой пришлось остаться перед ледяным зеркалом. Дрожь била, но не от холода. Взгляд скользил по телу — нетронутому, девичьему, с тонкой белой кожей. Тело, которое готовили к балам, к замужеству, к рождению наследников. Тело, теперь абсолютно бесполезное.

Одежда подверглась обыску. В корсаже — ничего. В рукавах — пусто. В потайном кармане нижней юбки, где прятались любовные записки, — только смятый клочок бумаги от какого-то юного лейтенанта, который теперь, вероятно, тоже кормит червей.

Платье пришлось рвать. Не ножницами. Пальцы вцеплялись в плотный шелк и тянули, пока ткань с сухим треском не расходилась. Вспарывалась подкладка, швы, отвороты манжет.

Золото нашлось в самом низу, там, где подол подшивается к изнанке.

Тонкая кожаная лента, набитая монетами. Десять аккуратных столбиков по десять штук. Имперские ауреи. Тяжелые, теплые, пахнущие потом и старым металлом.

Сто золотых.

Это было все, что осталось от состояния рода Беллы. Не замки, не земли, не фамильные бриллианты размером с голубиное яйцо, которые мать так любила надевать на приемы. Только сто монет, которые старый мажордом, рискуя быть выпоротым за самоуправство, тайком срезал с парадного занавеса и отдал три дня назад со словами: «Бегите, госпожа. Если старый дурак еще может вам что-то советовать — бегите сегодня ночью. Они придут за сундуками, а не за вами. Но если придут за вами, золото в подоле не выдаст ваш бегающий взгляд».

Старик оказался пророком. Умер одним из первых — тело нашли в коридоре с кухонным ножом в груди. Он пытался защитить кладовую.

Кожаный мешочек сжался в кулаке. Сто золотых.

Этого хватит, чтобы купить новую жизнь где-нибудь на юге. Теплое море, маленький домик, виноградник. Хватит, чтобы нанять корабль до Зурингаара. Хватит, чтобы подкупить чиновника и выправить новые бумаги.

Этого не хватит, чтобы нанять армию и отомстить.

Взгляд упал на руки. Все еще в крови. Не в той, липкой и темной, что осталась в подвале. Это была собственная кровь с порезанной ладони.

Одеваться Белла начала заново.

Простая шерстяная юбка, грубая льняная рубашка и старый мужской камзол брата, который тот носил на охоту. Одежда висела мешком, скрывая фигуру. Сажа стерлась с лица рукавом камзола, превратив благородную бледность в грязь трубочиста.

С туалетного столика взята была только одна вещь. Маленькая серебряная шпилька для волос, украшенная крошечным сапфиром. Оружие бесполезное, но острое.

Золото пришлось спрятать. Не в карман — карманы на женской одежде были лишь украшением. Шов на подоле новой юбки распоролся, кожаный мешочек затолкался внутрь и тщательно, мелкими стежками, зашил обратно, ниткой из рукоделия. Теперь золото стало частью тела. Оно прижималось к бедру при каждом шаге, напоминая о своем весе. Сто золотых. Десять фунтов жизни. Или смерти.

Из спальни Белла вышла.

В коридоре лежала гувернантка, старая мадам Жозефина. Очки в тонкой золотой оправе валялись рядом, раздавленные сапогом. Глаза старухи были открыты и смотрели на потолок с таким укором, что впервые за все утро к горлу подкатила тошнота.

Жозефине закрыли глаза. Чепец поправили. Дальше пришлось идти, стараясь не наступать на темные пятна паркета.

Парадная дверь была сорвана с петель.

На крыльцо Белла шагнула.

Утренний воздух ударил по легким, как молот. Морозный, пахнувший дымом и свободой. Сделан шаг. Ноги подкосились. Сна не было, еды почти не было, а уничтожение собственного мира уже пережито. Адреналин, державший на ногах последние часы, начал уходить, оставляя звенящую пустоту.

За перила пришлось схватиться.

Улица перед особняком была оцеплена. Не городской стражей — те боялись даже смотреть в сторону квартала. Оцеплена зеваками. Соседи. Лавочники. Простой люд. Стояли на почтительном расстоянии за цепочкой гвардейцев городского гарнизона и смотрели.

Смотрели, как горит дом Беллы.

Никто не плакал. Никто не рвался помогать. Пожарные расчеты стояли в стороне, поливая водой соседние крыши, чтобы огонь не перекинулся на город, но сам особняк позволили сжечь дотла.

— Говорят, они короне задолжали, — донеслось из толпы. — Десять тысяч золотом.

— Врут, — возразил другой, жуя краюху хлеба. — Они на заговорщиков вышли. Хотели короля травануть.

— Да какое там, — сплюнул третий, мастеровой в кожаном фартуке. — Казначей их, говорят, в кости казну просадил. А эти, — кивок на дымящиеся руины, — расплатиться не захотели. Вот казна и прислала сборщиков. Только те проценты выбивают не пером, а сталью.

Сборщики.

Слово повисло в воздухе. Перила сжались до беления костяшек. Сборщики долга. Наемники. Псы, которым спустили поводки.

Взгляд упал на руки. На камзол. На грязную юбку. Беллы больше не существовало.

Там, на ступенях пылающего дома, она умерла. Умерла вместе с матерью, которая пыталась закрыть собой младшего сына. Умерла вместе с отцом, чей меч так и остался висеть на стене в кабинете.

Осталась только тень. Оболочка, внутри которой бился пульс и звенели сто золотых монет.

Перила были опущены.

Спуск по ступеням дался с трудом, но шаги старались делать твердыми. Каждый отдавался болью в промерзших ногах, однако идти нужно было прямо, глядя перед собой. Сквозь толпу.

Люди расступались. Видели лицо — белое, как мел, с огромными темными глазами — и одежду. Камзол гвардейского кроя, испачканный сажей. Кто она, не знали, но инстинкт самосохранения, выработанный в столице годами, подсказывал: отойди от беды. Не смотри в глаза. Не дыши в сторону беды.

— Барышня, — какая-то сердобольная торговка пирожками, стоявшая с краю, протянула бумажный кулек. — Возьми, милая. Замерзла, поди.

Белла остановилась. Взгляд упал на пирожок. С капустой. Теплый. От кулечка шел пар.

Кулек был взят. Не из-за голода. Просто если не взять, рука женщины так и останется висеть в воздухе, и мир окончательно сойдет с ума.

— Спасибо, — голос прозвучал хрипло, как карканье ворона.

Откушен кусок. Пресное тесто. Тепло. Жизнь. Проглотить пришлось через силу.

И идти дальше.

Куда — неизвестно. Плана не было. План — роскошь для тех, у кого есть будущее. Оставалось только «отсюда». Прочь от пепелища. Прочь от взглядов. Прочь от воспоминаний, которые начали просачиваться сквозь ватную стену шока, как ядовитый газ.

Переулок. Потом еще один. Петляние по лабиринту Нижнего города, подальше от широких проспектов, где лицо могли узнать случайные знакомые.

Город жил своей жизнью. Где-то звенел кузнечный молот. Где-то плакал ребенок. Где-то ругались прачки, развешивая белье. Обыденность этого утра была самым страшным издевательством. Как смеет солнце светить? Как смеет мир продолжать вращаться, если род Беллы стерт с его лица?

Рыбачья гавань встретила вонью. Запах гниющих водорослей, нечистот, которые сливали прямо в воду, и дешевой рыбы. Чайки орали так, что закладывало уши.

На перевернутую лодку Белла села. Достала остаток пирожка и доела, механически жуя. Взгляд устремился на воду. Серая, маслянистая вода столицы. В ней отражалось небо — такое же серое и плоское.

Сто золотых. Рука легла на бедро. Под ткань угадывались твердые очертания мешочка. Это была могильная плита. Единственный надгробный памятник.

Что с ними делать? Нанять убийц? Смешно. Те, кто вырезал семью, стояли в сотни раз больше.

Уехать? Куда? Лица нет. Имени нет. Любой патруль стражи, увидев одинокую девушку в мужской одежде с дорогим камзолом, остановит. А если найдется золото... Ворье с большой дороги не станет спрашивать историю. Просто перережет горло и заберет камзол.

Глаза закрылись.

В голове было пусто. Ни мыслей о мести, ни планов на побег. Только одна навязчивая, сводящая с ума мысль: «Я хочу в горячую ванну».

Это было так по-детски, так глупо, так неуместно, что Белла вдруг тихо, истерически рассмеялась. Смех походил на плач — такой же рваный, задыхающийся. Смеялась, сидя на грязной лодке, посреди воню и крика чаек, потому что тело, пережившее ад, требовало самого простого человеческого тепла.

Смех длился, пока из глаз не потекли слезы. Горячие, соленые. Текли по грязным щекам, прокладывая светлые дорожки на копоты.

Плакалось по матери. По отцу. По старой Жозефине. По себе самой — той глупой девочке, которая еще вчера переживала из-за того, что кавалеру на балу не понравился новый веер.

Когда слезы кончились, ушла и истерика. Осталась только звенящая ясность. Глаза открылись. Взгляд упал на руки. Грязь. Сажка. Кровь. На горизонт. Серая стена. На золото.

«Золото — это цепи, — всплыло в памяти наставление отца. — Оно держит крепче любых оков. Если хочешь быть свободным, научись обходиться без него. Но если хочешь выжить, сделай так, чтобы оно работало на тебя, а не ты на него».

Отец знал, о чем говорил. Его золото не спасло его. Оно лишь привлекло псов.

Шнурок на камзоле развязался, и из голенища сапога был достат маленький нож — еще один трофей из комнаты брата.

Взгляд упал на зашитый подол.

Распороть шов было бы легко. Но если достать золото сейчас, оно начнет тратиться. На еду. На теплую комнату. На безопасность. Привязка к иллюзии покоя случится быстро. А покой — то, что убило семью. Они расслабились, решив, что гроза миновала.

Нет. Шов не станет распарываться.

Белла встала. Боль в ногах вернулась с удвоенной силой, но теперь не пугала. Боль была доказательством того, что она все еще стоит на этой земле.

Взгляд обратился в сторону припортовых таверн. Дешевых, шумных, полных матросов, контрабандистов и шлюх. Мест, где люди не задают вопросов, если звенит серебро.

Идти туда. Не для того, чтобы снять комнату. Комната — ловушка. Там найдут. Идти туда, чтобы найти работу.

Белла Беллы знала только музыку, вышивание и правила этикета. Это стоило ровно ноль медяков в порту. Но внутри, под слоем светского воспитания, под шелками и жемчугом, жила кровь деда. Старого вояки, который прошел три войны и научил внучку, как правильно держать нож, куда бить, чтобы человек не встал, и как вести учет пороха быстрее, чем писарь сводит дебет с кредитом.

Дед умер, когда ей было десять. Мать тогда закатила скандал, запретив «этому солдафону» портить девочку. Но память осталась. Тяжесть учебной сабли в детских руках.

Камзол брата запахнулся плотнее.

Путь лежал в самую грязную таверну, которую можно найти. «Слепая свинья» или «Ржавый якорь». Сесть в самый темный угол. И слушать.

Слушать разговоры о грузах. О кораблях. О людях, которые исчезают в ночи. Предложить свои сто золотых — не как дворянка, а как инвестор. Или как приманка. Или как убийца, если потребуется.

Имени нет. Значит, не нужно его защищать. Чести нет. Значит, не нужно ее беречь. Семьи нет. Значит, никто не заплачет, если смерть случится в канаве.

Это была абсолютная, пугающая свобода. Свобода человека, которому нечего терять. Шаг в сторону порта.

Толпа поглотила. Какой-то грузчик толкнул плечом, даже не обернувшись. Тело покачнулось, но устояло. Больше не хрустальная статуэтка, которую нужно оберегать от пыли. Камень. Острый, грязный, злой камень.

По набережной Белла шла, и сто золотых тихо звенели в такт шагам. Это был не звон богатства. Это был звон стали.

Впереди, над мачтами кораблей, поднимался дым из труб. Город начинал рабочий день. Где-то там, в теплых кабинетах, люди пили утренний кофе и подписывали бумаги. Где-то там, в Храме, жрецы возносили хвалу богам.

А по улицам шла девушка в чужом камзоле. Девушка, у которой только что отняли все. Что будет через час — неизвестно. Доживет ли до вечера — неизвестно.

Но одно знала точно: те, кто убил семью, еще дышат. И пока они дышат, сто золотых — не просто средство к выживанию. Это цена их смерти.

На это золото будет куплен самый острый нож в столице. И найдется способ заставить их заплатить не монетами. Воротник камзола поднялся, пряча лицо от ледяного ветра, и Белла растворилась в утреннем тумане порта, став еще одной тенью в этом городе теней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.